

С.В. ЯРОВ

ПРИВИЛЕГИИ «ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ»: ОПЫТ ОФИЦИОЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917–1921 гг.

Утверждение правомерности особых льгот для чиновников свойственно любому политическому режиму — и демократическому, и тоталитарному. Определяющий прием здесь — скорее замалчивание самого вопроса, чем его подробное разъяснение, пусть и посредством тенденциозных доводов. Было ли так всегда, какими являлись формы защиты привилегий в эпоху становления и упрочения новой политической системы, как и почему менялась тогда официальная аргументация, насколько она была убедительной для масс и как способствовала их конформизации?

Привилегии партийных и государственных чиновников стали предметом рассмотрения еще в 1917 г., но споры о них велись, как правило, келейно. Уже тогда полемистов можно было условно разделить на две группы: а) «прагматиков», то есть тех, кто выступал за установление повышенных норм обеспечения чиновников и б) «идеалистов», которые уделяли первостепенное внимание идеологическим последствиям неравенства в обеспечении «ответственных лиц» и простых рабочих. Примечательна в этом отношении дискуссия «Об увеличении жалованья нашим ответственным работникам по декрету Совета народных комиссаров», возникшая на заседании Петроградского комитета РСДРП (б) 12 декабря 1917 г. Один из выступавших, С.П. Прохоров, высказался против партминимума, мотивируя свое мнение тем, что «рабочие на местах не зарабатывают столько» и «в

Яров Сергей Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. **Телефон:** 544–57–28. **Электронная почта:** iarov@eu.spb.ru

связи с этим может возникнуть недовольство в рабочих массах» [1]. Возразивший ему Г. Бокий вопрос о возможной реакции рабочих вообще обошел. Он предпочел другое — подробнее обосновать необходимость повысить жалование. Аргументы предыдущего оратора тем самым прямо не опровергались (и это трудно было сделать), но обесценивались посредством акцентирования более важных по значимости доводов. Контраргументы Г. Бокия стоит привести полностью, поскольку они представляют собой квинтэссенцию той системы интерпретации льгот, которая окрепнет позднее: «...нашим работникам приходится тратить не 8 часов на партийную работу, приходится обедать где придется, много ездить, покупать газеты» [1]. Краткость протокола заседания не позволяет восстановить детали последовавшей затем перепалки. Несомненно только следующее: «идеалисты» прибегли к другому доводу. Они обратили внимание на то, что большевики оказывались более богатыми, чем «капиталисты», которые платили рабочим меньше. Этот довод позднее по понятным причинам (ввиду исчезновения «капиталистов») не использовался. Тогда же он вызвал реплику Г. Бокия, подчеркнувшую своеобразный, импровизационный характер его аргументации: «Ссылаться на то, что капиталисты платят меньше, нам нельзя — не можем мы идти по стопам капиталистов» [1].

Прагматические доводы, однако, принимались не всегда. В 1918 г., на V съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии председатель губисполкома Н.А. Кубяк, сославшись на декреты Совнаркома, определившие уровень высшего оклада чиновников (750 рублей), подчеркнул, что «мы ими не руководствовались, а руководствовались нашей революционной идеологией, нашим обязательством по отношению к той работе, которую мы проводим сейчас» [2]. Кубяк ни слова не сказал о том, был ли отказ от высокого жалования только следствием «революционной идеологии» и не ощущалось ли при этом и давление низов, но показательно, что идеологические доводы он дополнил доводами прагматическими: «...у нас установлен минимум 380 рублей, и мы говорим, что этого вполне достаточно для жизни» [2]. Какой довод был все же главным, в речи Кубяка не говорилось.

Уже эти два примера демонстрируют ряд особенностей дискуссий о льготах в первые месяцы Советской власти, известных нам и по другим источникам. Заметно то смущение, с которым говорится о возможной реакции на привилегии социальных низов. То, что такая реакция может быть негативной, не оспаривали и оппоненты, выступавшие на заседании ПК РСДРП (б). Представление о низком жаловании как о норме партийной этики объясняет и замаскированное фразой о «революционной идеологии» решение Петрогубисполкома. Характерной приметой этих дискуссий было отсутствие попыток хоть

как-то сгладить противоречия между доводами «прагматиков» и «идеалистов». Стороны явно не слышат друг друга, не учитывают аргументы своих оппонентов; какой-либо целостной системы аргументации о льготах для чиновников (в рамках которой гармонично соединились бы и оправдание такого порядка, и обещание упразднить его в будущем) создано не было. Прямым следствием этого стала множественность пропагандистских приемов в дальнейшем: проблема либо просто замалчивалась, либо наличие ее отрицалось, либо подчеркивалась необходимость и вынужденность привилегий.

Возмущение привилегиями верхов во многом обусловили и весьма частые в 1918–1919 гг. обличения «комиссаров» и «комиссаро-державия»¹. Как отмечал в январе 1919 г. Г.Е. Зиновьев, само понятие «комиссар» стало ругательством [3]. Публично это объяснялось, правда, не разветвленной уже тогда системой льгот и «усиленных» пайков, а неблагоприятными поступками местных чиновников, дискредитирующих политику советской власти. Этот тезис был четко сформулирован Зиновьевым, так определившим причины нападков на «комиссаров» в выступлении на 6-м губернском съезде Советов: «В этом виноват не совет народных комиссаров, не те деятели советской власти, которые пользуются общим доверием рабочих масс, в этом виноваты те птенцы-комиссары, которые не сумели поставить себя, которые не сумели держать себя под знаком Советской власти» [3]. Впоследствии это указание на дистанцию между «плохими» и «хорошими» коммунистами станет одним из элементов официальной интерпретации системы льгот².

«Диалогическая» форма такой интерпретации отчетливо просматривается в инциденте, возникшем на заседании Петроградского Совета 17 сентября 1920 г. Рабочий Обуховского завода Гольгин обрушился на комиссаров и их «приятелей», которые, в отличие от рядовых рабочих, получают хорошую одежду и много продуктов. Особое его раздражение вызвали кожаные тужурки комиссаров, которые он несколько раз (иногда — под аплодисменты других членов Совета) предлагал отдать Красной армии. Выступление Гольгина — это своеобразный синтез тех разговоров, которые видимо, оживленно велись в городе в 1919–1920 гг. и обрывки которых мы можем найти в

¹ Как писала «Петроградская правда» в июле 1919 г., наряду с вопросами о войне и отмене свободной торговли вопрос о комиссарах был одним из катализаторов происходивших тогда в Петрограде волнений рабочих-железнодорожников.

² Сам Г.Е. Зиновьев буквально через несколько недель еще раз воспользовался этим приемом. Выступая на VIII съезде ВКП (б) (март 1919 г.) он весьма язвительно высказался о партиячках, мечтающих о хорошей квартире и мягкой мебели [4].

разных свидетельствах об этом времени. Агитатор 1-й Государственной гильзовой фабрики в 1919 г. привел такую реплику рабочих: «Говорят, что коммунисты много получают жалованья и продовольствия» [5]. Через год другой активист, организатор коллектива РКП (б) хлебозавода № 7 докладывает Смольнинскому РК РКП (б), что «некоторые еще с презрением смотрят на коммунистов <...> якобы в коммунисты записываются ради своей выгоды» [6]. Примечательно, что, когда в 1919 г. «вербовщики» обходили предприятия и предлагали рабочим вступать в РКП (б), они нередко слышали стандартный ответ: дайте хлеба, тогда и запишемся в партию³. Может, это было уловкой и отговоркой аполитичных и несогласных, но боящихся, может, кто-то действительно надеялся извлечь из этого пользу, — но все же то, что возникла именно такая связка: «коммунист–хлеб», говорит о многом.

Гольгину ответил один из руководителей Петросовета Г.Е. Евдокимов. Некоторая сумбурность речи и повторы в ней подчеркивают ее импровизационный характер, но в целом она логична, и даже будучи созданной «на ходу», содержит ряд умелых тактических приемов. Евдокимов начал с того, что, видимо, его больше озадачило, чем сам выпад оппонента, — с поддержки этого выпада частью аудитории: «Даже здесь, в Петроградском Совете, выступление тов. Гольгина встретило не ту оценку, которую оно должно было встретить» [7]. Безапелляционная форма такого утверждения (без оговорок: «по-моему мнению», «я считаю») сразу же поставила оппонента на место обвиняемого, четко и жестко определила наступательность ответа и бескомпромиссность в осуществлении главного полемического хода, который можно сформулировать как парадокс: утверждения Гольгина во многом верны, но сам он достоин порицания. «Что главное в выступлении тов. Гольгина, — продолжал Евдокимов. — Во-первых, он указывает на ряд дефектов. Он указывает на то, что люди, стоящие у власти, иной раз этой власти не достойны» [7]. Главный прием здесь — смягчение серьезности брошенных коммунистам обвинений. Евдокимов не находит сразу другого термина, кроме неуклюжего, но достаточно нейтрального — «дефект». Но то, что он соседствует и естественней сочетается с более спокойным определением частотности неблагоприятных поступков — «иной раз», — отчетливо показывает, что является подлинной целью его речи.

«Почему?» — задает далее вопрос Евдокимов, но тот, кто ожидает затем услышать ответ о том, как это стало возможным, будет разочарован. «Потому что они свое личное благополучие ставят выше интересов рабочего класса, настолько ставят выше, что это бросается в глаза» [7]. Вместо рассказа о том, в силу каких условий столь пышно расцвели взяточничество, воровство, кумовство и насколько это

³ Однако прямых отказов не было.

типично, мы получаем еще одну негативную характеристику отдельных личностей, пользующихся льготами, а не причин возникновения этих льгот. Вместо признания масштабов привилегий — мягкое замечание о том, что это «бросается в глаза». Смягчение тональности обличения на этом не кончается. Внимание оратора фиксируется лишь на одном, и, может, не самом главном элементе льгот: одежде. И далее идет совсем уж неожиданная для того, кто знаком с грубостью митингового и газетного языка эпохи революции, оценка: «Они даже в таком вопросе, как одежда, настолько нетактичны, просто бестактны...» [7].

Этим, собственно, и исчерпывается критика оторвавшихся от масс коммунистов и комиссаров. Затем перечисляются меры, которые принимаются против них. Так, о письме ЦК РКП (б) говорится, с той же присущей в данном случае Евдокимову деликатностью, что оно «ставит в порядок дня как раз эти вопросы», — не повторяя их лишней раз. «Мы всегда боролись с этим <...> мы выбрасывали из партии всех, кто шел в партию за тужуркой или за какими-нибудь жизненными благами», — говорит о мерах борьбы с «разложением» оратор. Поскольку о случаях, когда изгоняли из партии из-за тужурки, известно не было, можно счесть эту реплику импровизационным ответом именно конкретному оппоненту, Гольгину, уделявшему тужуркам так много внимания. Для вящей убедительности своих слов оратор сообщил о численности исключенных из партии после перерегистрации членов РКП (б). Все они были названы «шкурниками», но известно, что именно так называли нередко тех, кто слишком придирчиво задавал на собраниях вопросы о жалованье «ответственных» работников. Не уточнялось, однако, все ли, кого «выбросили из партии», пользовались незаконными льготами и не были ли поводом для этого иные причины, например, отказ выполнять партийную работу, объясняемый необходимостью заботиться о собственном пропитании.

Окончательно исчерпав, наконец, свои аргументы о привилегиях и способах борьбы с ними, оратор перешел к виновности Гольгина. Дискредитация оппонента тут достигается посредством критики других его предположений, уже не связанных с отменой льгот. Объектом нападок стал его призыв отменить наказания для рабочих, нарушивших трудовую дисциплину. Обыгрывание этого предложения в агитационных целях было более выигрышным, чем дискуссия о привилегиях, в которой, как видим, Евдокимов опасался сказать лишнее. Здесь же его пафос был оправданным, его аргументы (нельзя голодом извинять недисциплинированность, поскольку только твердый порядок позволит победить голод) неотразимы, а осторожность в подборе слов сменяется хлесткостью эпитетов.

При таких приемах обвинения появляется возможность приписать оппозиционеру-полемисту «шкурничество» — его взгляды можно оценить как защиту эгоистических устремлений отдельных рабочих в

ущерб интересам всего пролетариата. Тогда в новом свете могут предстать и споры вокруг льгот — как обнажающие корыстный интерес именно к «материальным» вопросам, к тому, что и кто получает, — тогда как передовой рабочий должен прежде всего обращать внимание на то, как улучшить производство, как преодолеть разруху в России. Этим ходом открыто воспользуются в 1921 г., но он станет возможным как раз вследствие такой операции — выявления меркантильных ноток в спорах о пайках, акцентирования и утрирования их, а затем использования для обвинений «эгалитаристов» в стяжательстве, эгоизме, безразличии к высоким целям.

Обвинения в получении привилегий могли нейтрализовываться и с помощью других тактических уловок. Так, иногда пресса нарочито отмечала преувеличенность слухов о продуктах, получаемых коммунистами. «Красная газета», например, с иронией передавала реплику одной из работниц центральной фабрики производства одежды о том, что «на Троицкой улице есть булочная, где пекут для коммунистов... французские булки» [8]. Утрирование слуха стало здесь приемом его разоблачения. В ряде случаев обвинения в незаконном получении продуктов никак не опровергались, но те, которые их высказывали, сразу же причислялись к лагерю «контрреволюции». Это, в частности, характерно для инцидента, произошедшего на переплетной фабрике «Светоч» 14 ноября 1919 г. Причиной его стали споры о том, куда исчезли конфеты, которые предстояло распределить среди рабочих. На собрании один из них предложил конфеты «требовать от коллектива коммунистов», заподозрил фабком в том, что он «съел их», и предложил избрать новый фабричный комитет только из беспартийных [9, л. 108 об.]. Вот что ответили ему (сохранены синтаксис и орфография документа): «Товарищи же два года третий как у нас власть в руках рабочих и крестьян, то группа мен(ь)шевиков и эсеров все время стремится подрывать то товарищи я предлагаю провести в комитет список внесенный от собрания коллектива а не проводить в комитет беспартийных, потому что под словом беспартийный скрывается вся банда белогвардейцев мен(ь)шевиков и эсеров... нам надо действовать решительно как честным рабочим» [9, л. 109 об.].

Ни слова о конфетах, ни слова о тех причинах, которые обусловили призыв к «беспартийности». Поскольку «ответчик» прибегнул именно к такому доводу, можно предположить, что бандиты и белогвардейцы едва ли пользовались симпатиями рабочих. Не выступавший выдумал эту криминально-политическую амальгаму. Словосочетание «белогвардейские банды» было одним из самых устойчивых в пропагандистском лексиконе тех лет. Возможно, именно такое сближение двух понятий, одно из которых с давних пор имело явно одиозный оттенок, способствовало тому, что одиозным вскоре стал и белогвардеец, а затем — и эсер, и меньшевик, которые также причислялись

к белогвардейцам, а значит и к бандитам. Жесткость реплики «ответчика» может быть объяснена эмоциональным накалом собрания: оно было сорвано криками, шумом и уходом с него части рабочих. Возможно, в более спокойной обстановке у выступавших нашлись бы слова и о конфетах, и о действиях РКП (б). Но такая логика реагирования на претензии рабочих не является исключением.

Было ли это следствием неразработанности аргументации о льготах, или это объяснялось непримиримостью тех, кто не считал нужным отчитываться перед кем бы то ни было, а в любом вопросе видел подвох, — сказать трудно. Саркастические замечания Зиновьева, иронические реплики прессы, использование ярлыков на собраниях — все это звенья цепи импровизаций, осуществлявшихся без всякой системности, без убедительных иллюстраций, без хитроумных софистических доводов. Реакция пропагандистов была крайне упрощенной, она может быть сведена к нескольким приемам: а) категорическое опровержение, б) признание, но с оговоркой о настоящих и ненастоящих коммунистах, в) замалчивание вопроса, г) перевод разговора о привилегиях в более безопасное русло.

Эти импровизации не оборвались и после того, как IX Всероссийская конференция РКП (б) (сентябрь 1920 г.) предложила концепцию, объясняющую причины неравенства и привилегий. В постановлении конференции «Об очередных задачах партийного строительства» говорилось: «Неслыханное тяжелое положение Советской республики в первые годы ее существования, крайнее разорение и величайшая военная опасность сделали неизбежным выделение (...фактически привилегированных) ведомств и групп работников. Это было неизбежно, ибо нельзя было спасти разоренной страны без сосредоточения сил и средств на таких ведомствах и на таких группах работников, без которых объединенные империалисты всего мира наверное задавили бы нас и не допустили бы даже приступить нашей Советской республике и хозяйственному строительству» [10, с. 297]. Обращает на себя внимание ряд приемов, которые используют авторы постановления. Во-первых, сложившееся неравенство трактуется как объективная необходимость, как следствие тех условий, в которых оказалась советская Россия. Во-вторых, заметна гиперболичность в описании этих условий — положение «неслыханное», разорение «крайнее», военная опасность «величайшая». Такая «маргинальность» прилагательных вообще-то была характерна для пропагандистской лексики того времени — обратим внимание на то, как часто пользовался ею Ленин. В-третьих, употребление эвфемизма «отдельные группы работников» позволяло не называть прямо категорию «ответственных работников». В-четвертых, то, что одинаково важными для спасения республики оказывались и предприятия, и «отдельные группы работников», оправдывало привилегии последних.

Следующий абзац постановления IX Всероссийской конференции РКП (б), казалось, только обозначает причины, обусловившие необходимость более пристального внимания к вопросу о равенстве. Сделано это, однако, слишком расчетливо для того, чтобы это можно было счесть лишь элементом рутинной «политической трескотни»: «Это обстоятельство, в связи с трудно переживаемым наследством капиталистических и частнособственнических привычек и настроений, объясняет необходимость еще раз направить внимание всей партии на борьбу за проведение в жизнь большего равенства, во-первых, внутри партии, во-вторых, внутри пролетариата, а затем и внутри всей трудящейся массы, наконец, в-третьих, между различными ведомствами и различными группами работников, особенно “спецов” и ответственных работников по отношению к массе» [10, с. 297].

Итак, неравенство требует особого объяснения именно ввиду «трудно переживаемого наследства капиталистических и частнособственнических привычек». Цитируемая лексическая конструкция не очень ясна, да и не очень грамотна. Здесь, вероятно, подразумевается то, что массы слишком заражены «буржуазными настроениями» для того, чтобы правильно оценивать чужие привилегии. Нетрудно заметить, что не сам факт неравенства, а как раз толкование его низами стало прежде всего предметом озабоченности. В данном тезисе содержится косвенный намек на то, что критика льгот чиновников обусловлена мелкособственническими привычками. Более поздние обвинения недовольных «эгалитаристов» в «шкурничестве» показывают, что этот намек кое-где был воспринят и использован при объяснении привилегий. То, что в постановлении говорится о «большем» равенстве, а не о равенстве вообще, видимо, не случайно — нельзя было дать повод для нападок, если бы ряд льгот пришлось сохранить.

Очень показательное перечисление тех «кругов», где необходимо было установить «большее» равенство. Действительно, не одни лишь пайки чиновников вызвали нарекания, но и неравенство в снабжении самих рабочих, мастеров и т. д. Указание на множественность групп, где практикуется неравномерное снабжение, имело, возможно, «идеологическую» подоплеку. Этим обращалось внимание на то, что привилегии имеют не только «ответственные работники». Отметим, что в списке групп они находятся на последнем месте, а на одном из первых — пролетариат.

17 и 18 пункты постановления IX Всероссийской конференции РКП (б) имеют «нормативный» характер. Они фиксируют те правила, которых должно придерживаться в будущем: «17. Ответственные работники — коммунисты не имеют право получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату. 18. Выработать вполне годные практические меры к устранению неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и т. п.) между «спецами» и ответственными

работниками, с одной стороны, и трудящейся массой — с другой стороны» [10, с. 302]. Даже не будучи воплощенными в жизнь, эти «нормы» могли рассматриваться как важный козырь в дискуссиях о привилегиях. Пропагандистская практика тех лет отчетливо показывает, что обещания (во всяком случае, в течение первых месяцев после того, как они были даны) наравне с указанием на уже осуществленные меры могли использоваться как эффективный аргумент против оппонентов. Этим отчасти объясняется, почему среди тех, кого необходимо призвать к равенству, не фигурируют, как в преамбуле постановления, ни «пролетариат», ни «трудящаяся масса». То, что главным получателем льгот в низах считали не их, а именно «ответственных работников» и «спецов», видимо, не было секретом. Показательно, что в этих «нормативных» пунктах еще раз объяснены (уже более внятно) причины, сделавшие необходимым установление «норм»: «Это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов...» [10, с. 302]. Тем самым подчеркивалось, что партия является собранием людей, заботящихся о нравственной чистоте своего облика, а не сборищем корыстолюбивых карьеристов.

Постановление IX Всероссийской партконференции не прекратило дискуссию о пайках и заработках «ответственных работников», поскольку большинство мер, намеченных ею, так и не были проведены в жизнь. Такова была судьба очень многих партийных резолюций, которые так и остались благим пожеланием, тем, что Ленин в начале революции очень удачно назвал «агитацией декретами». Протесты против пустопорожного «бумаготворчества» стали общим местом в выступлениях активистов и руководителей РКП (б) к 1920 г., но в данном случае положение едва ли могли изменить, даже если бы этого и хотели. На системе пайков базировалась иерархия привилегий, скреплявших власть и служивших наградой за выражение политической лояльности. Тема неравенства не раз возникала в рамках профсоюзной дискуссии 1920-1921 гг., но «эгалитарные» выпады так называемой «рабочей оппозиции» направлялись не столько против «ответственных работников», сколько против «буржуазных спецов», якобы отнявших у рабочих их «революционные завоевания». Иногда какой-либо партийный работник (обычно из числа тех, кого подозревали в склочничестве и критиканстве) сетовал на то, что после IX партконференции мало что изменилось, но из «вождей» этой темы почти никто не касался. Очень неохотно затрагивала ее и печать, ограничиваясь, как правило, ссылками на решения сентября 1920 г. Положение изменилось в связи с политическим, экономическим и социальным кризисом 1921 г., когда вопрос о привилегиях ответственных работников не только вновь оказался на первом плане, но и явился катализатором, придавшим особый размах массовым выступлениям рабочих.

В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть ход дискуссии об «ответственных пайках» в Петрограде в январе-апреле 1921 г., когда аргументы и контраргументы в вопросе о льготах выявились в наиболее рельефной форме. Одним из первых фабрично-заводских документов, в которых был затронут вопрос о пайках, стала резолюция общего собрания рабочих Балтийского завода 14 января 1921 г. 4-й ее пункт гласил: «Отменить паек ответственных работников... т. к. получение ответственными работниками этого пайка вызывает недовольство рабочих и недружелюбное отношение к ним» [11]. Такая мотивировка, как видим, близка к формулировкам 18-го пункта уже отмеченного постановления IX Всероссийской конференции РКП (б). Возможно, в ее оформлении принимали участие партийные или профсоюзные активисты, пытавшиеся по имеющимся образцам придать ей вид «благонадежности», — хотя нет причин сомневаться в том, что само это требование было выдвинуто именно рабочими. Через несколько недель подобные требования уже не сопровождаются какими-либо оговорками, подчеркивающими «лояльность», и, напротив, в ряде случаев имеют отчетливо оппозиционную направленность. В подготовленной меньшевиками и одобренной на собрании рабочих завода «Новый Лесснер» резолюции вопрос о льготах поставлен так: «Мы требуем <...> а) отмены всяких ответственных, академических, смольнинских, кремлевских, совнаркомовских и прочих привилегированных пайков и равномерного распределения продуктов» [12, л. 168 об.]. Почти дословно этот пункт был повторен в постановлении общего собрания завода «Нобель» 16 февраля 1921 г.: «Мы требуем <...> а) отмены всяких ответственных пайков, смольнинских, кремлевских, совнаркомовских и др., и уравнивания всех граждан в пайковом довольствии» [12, л. 183 об.]. В несколько иной формулировке эти требования были выдвинуты в середине февраля 1921 г. на заводе «Арсенал», но едва ли иным был их «антибюрократический» оттенок: «Увеличение продовольственного пайка и уничтожение всяких привилегий и усиленных пайков, применяемых в настоящее время к спецам и ответственным работникам, уравнивая их со всеми трудящимися» [13].

Обнаруживается прямая зависимость между «бурными» прениями на собраниях и акцентировкой льгот в тех постановлениях, которые были ими одобрены, — там, где сохранился достаточно подробный протокол собрания. Так было на заводе «Нобель», а прозвучавшие на собрании рабочих 5-го Ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г. обвинения в адрес коммунистов и ЦК можно соотнести с 6-м пунктом его постановления: «Уравнивание общественного питания всех граждан Советской России и распределения между ними продуктов без всяких литеров, а также уравнивания всех пайков: ответственных и привилегированных без исключения, как профессиональным,

так и партийным работникам» [14, л. 76]. Собрание на 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г. было более спокойным, но и в его резолюции есть акцент на пайках именно партий: «6. Всякие привилегированные пайки отменить, определить единый паек для рабочих физического труда и служащих фабрично-заводских учреждений. 7. Отменить всякие привилегии партийным» [15].

Таковы характерные образцы тех документов-постановлений января-апреля 1921 г., где был затронут вопрос о пайках чиновников. Их особенности: безымянность адресатов (впрочем, определенная традицией составления таких резолюций), постановка вопроса в общем виде, без увязки его с ситуацией на конкретном предприятии, указание на множественность льгот, что вкупе с обозначением категорий их получателей придает таким действиям оттенок оппозиционности. Эти пункты об «уравнивании» имеют заметно «идеологический» характер. Рабочие не требуют пайков только для себя и вообще не требуют чего-либо конкретного: обуви, прозодежды, платы за сверхурочную работу; примечательно и то, что они выступают ходатаями за других — служащих. Возможно, это следует счесть свидетельством того, что в большинстве случаев их требования оформлялись и синтезировались людьми более опытными и сведущими как в партийной риторике, так и в технике межпартийной борьбы. Отсюда и приметный антикоммунистический пафос, отсюда и оговорки, которые должны удостоверить лояльность просителей. Наравне с этим, однако, необходимо учесть и целый компендиум реплик, выступлений, возгласов и записок рабочих, зафиксированных в других документах, менее системных и грамотных, но тем и более интересных, поскольку мы имеем здесь дело с непосредственным откликом, а не только тем, что обработано умелой рукой.

Разговоры об «ответственных» пайках возникали на фабрично-заводских и рабочих конференциях по разным поводам, но везде их отличал некий оттенок неприязни к тем, кто получал эти пайки. На собрании 1-й Государственной фабрики производства одежды 26 февраля 1921 г. член рабоче-крестьянской инспекции Копылова (до того заявлявшая о том, что «Московский район все воры») с тем же обличительным пафосом разоблачала порядки в рабочем общежитии. Когда их виновник ответил, что он неграмотный, Копылова сразу же парировала: «А ответственный паек получать ты грамотный» [16]. В другом случае — на собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г. — докладчик рассказывал о причинах кризиса, указав, в соответствии с тогдашней пропагандистской традицией, на то, что это дело рук социалистов. Рабочий Кутын ему ответил: «...беспартийные не могут согласиться с толкованием докладчика о причинах “волынки” на наших заводах, созданных якобы агитацией враждебных правительству политических партий... Агитировали в

данном случае представители нашей партии, получавшие ответственные и другие пайки и жившие почти в полном довольстве, тогда как рядовые рабочие буквально голодали» [17, л. 91]⁴.

Позднее, в середине апреля 1921 г., на заседании секции по улучшению быта Беспартийного совещания рабочих Петрограда эти споры о привилегиях приняли ожесточенный характер. Как только речь заходила о распределении товаров и услуг, вплоть до поездов особого назначения, комиссаров и коммунистов обвиняли в нечестности, хищениях, кумовстве. Один из выступивших, Ухов, отмечал, что если у заведующего столовой «есть связи, то ему дают хорошие продукты, а если нет, то всякую дрянь и мусор» [18, л. 40]. Другой, Трефилов, говорил, что «комиссары Петрокоммуны разъезжают в кожаных тужурках, а мы при нашей... грязной работе не имеем прозодежды»; его речь, как следует из стенограммы заседания секции, сопровождалась возгласами: «Правильно, правильно!» [18, л. 15]⁵.

Тема кожаных тужурок в разных вариациях неоднократно возникала на заседаниях данной секции Беспартийного совещания. Неудивительно, что в одном из отчетов об этом Совещании, сделанном на собрании 1-й Государственной словолитни 25 апреля 1921 г., мы встречаем рассказ о том, что распределение «как хлеба и других пищевых продуктов, так и предметов первой необходимости происходило благодаря бесконтрольности со стороны рабочих только преимущественно партийным, а не рабочим», что «были расхищены реквизированные от буржуев разные предметы роскоши одежды, домашнего обихода, мебели и пр.» и что «вообще работа производилась ставленниками коммунистов без всякого контроля и только в своих интересах» [19]. Если сравнить эти выпады и то, что зафиксировано в уже отмеченных резолюциях рабочих, то различие налицо. Итоговые документы собраний только упорядочивали этот хотя и нестройный, но весьма недвусмысленный хор проклятий, как по поводу самих пайков, так и по адресу тех, кто их получал и кто их воровал. Громкость обвинений в разные времена была различной, ораторы затрагивали эту тему не всегда без стеснения, оглядок и «лояльных» оговорок. Содержание выступлений можно свести к нескольким тезисам:

⁴ Близки к этому и другие выступления рабочих на данном собрании. Так, рабочий Ващинин считал, что «волынок» бы не было, если бы «представители центра... уделяли внимание для связи с рабочими», его поддержал и рабочий Балуков, который также полагал, что «виноваты представители... далеко отстоящие от рабочих» [17, л. 91-92].

⁵ Характерно, что после замечания ответственного работника Петрокоммуны Супонева о том, что именно эта организация будет распределять предметы первой необходимости, раздались возгласы: «Значит, ничего не получим, потом у них начнутся пожары» [18, л. 14 об].

а) привилегии неправомерны сами по себе, б) привилегии достаются только тем, кто занимает «ответственные» посты либо близок к комиссарам и коммунистам, то есть «имеет связи» в) привилегий много, и посредством их отнимается то малое, что имеется у простых людей, выполняющих действительно трудную работу. Тема привилегий возникла в различных контекстах; в ряде случаев могла иметь значение не только их незаконность, но и то, что их пытались замаскировать рассказами о происках меньшевиков, то есть очевидной ложью, или рассказом об объективных трудностях, к которым якобы непричастны чиновники, — это рождало более быстрый отклик и более резкий отпор. «Ответственные» пайки в любом случае можно оценить как универсальный «раздражитель» — независимо от того, когда затрагивался этот вопрос: сразу или после дискуссий о других аспектах политики большевиков.

В январе–апреле 1921 г. были опробованы четыре приема борьбы с обвинениями в получении «ответственных» пайков и иных льгот: 1) опровержение самого факта привилегий; 2) дистанцирование от лиц, незаконно их имевших, указание на то, что они дискредитируют власть; 3) переакцентировка вопроса, быстрый и нарочитый перевод дискуссии на другие темы, что являлось более выигрышным для пропагандистских целей; 4) признание существования пайков — но с рядом оговорок и при обязательной их мотивации.

Выбор этих приемов в каждой из ситуаций зачастую был спонтанным, зависел от содержания дискуссии, от аргументов, выдвигавшихся противниками льгот, от уровня полемических талантов чиновников-докладчиков, от амплитуды спора и т. д. Отрицание выдачи особых пайков для «ответственных» работников в феврале 1921 г. во многом было обусловлено тем, что Совнарком РСФСР 8 февраля 1921 г. принял постановление о сокращении всех видов продовольственных пайков и о мерах к прекращению незаконных выдач. Центральной комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде поручалось «в трехдневный срок установить норму снабжения продовольствием особо ответственных и незаменимых работников центральных учреждений по установленным твердым спискам с тем, чтобы эти нормы не превышали норм рабочего снабжения и были сокращены в соответствии с сокращением норм рабочего снабжения». В постановлении требовалось отменить все «особо повышенные нормы продпайков для служащих отдельных учреждений и предприятий», обязать центральную комиссию проверить, как выполняется постановление СНК 14/1-1921 об отмене привилегированных пайков для отдельных категорий советских служащих, и «подтвердить всем центральным и местным учреждениям недопустимость выдачи своим сотрудникам вне установленного порядка предметов продовольствия, широкого потребления и пр.» [20].

В постановлении крайне нечетливо говорится о судьбе «ответственных» пайков (да и сам термин не приводится) и еще более туманно и, возможно, неслучайно — о тех лицах, которые их получают: «служащие отдельных учреждений и предприятий». При этом прямо нигде не говорилось об отмене пайков. Сказано лишь об установлении норм снабжения, причем нигде не сообщается об их уменьшении. Отмечается только их уравнивание с «нормами рабочего снабжения»; таких норм, однако, было несколько десятков. В том же месте, где говорится об отмене пайков, содержится оговорка о том, что речь идет лишь о пайках отдельных категорий служащих. Проясняет вопрос отсылка к Постановлению Совнаркома РСФСР 14 января 1921 г. Там перечислены служащие тех ведомств, где необходимо отменить «специальные виды» пайков, — это не работники партийных и советских структур, а сотрудники отдела металла, центрального статистического управления. В постановлении особо подчеркивается — и это весьма примечательно — что не предусматривается отмена «пайков академического и совнаркомовского и пайка для ответственных совработников» [21].

Ничто так ярко не иллюстрирует запутанность аргументации и отсутствие целостности взгляда на вопрос о льготах, чем эти неуклюжие отсылки от одного документа к другому, отсутствие увязок с предшествующим законодательством, уточняющих отсылок и расшифровок. Можно было бы считать эти документы только плодом бюрократических манипуляций, не преследующих идеологические цели. Настораживает, однако, копирование тех приемов, которые были заметны в уже цитированном постановлении IX Всероссийской конференции РКП (б): мы видим те же попытки скрыть критерии получения привилегий, тот же нарочито неясный язык, те же умолчания, появляющиеся тогда, когда нужно объяснить правомерность льгот. В петроградской прессе, однако, оценки постановления СНК 8 февраля 1921 г. и основанного на нем постановления Петроградского губисполкома были однозначными. Об этом свидетельствует уже заголовок заметки в газете «Маховик»: «Отмена пайков» [22]. На следующий день после ее публикации «Красная газета» подробнее сообщала об отмене дополнительных пайков для ответственных работников и наделении их рабочими пайками [23], написала об отмене пайков и «Петроградская правда». Сличать эти заметки с тем, что писалось в постановлении 8 февраля 1921 г., и уличать их авторов в передержках может быть и некорректно — не исключено, что они восприняли его содержание «на слух» и наспех, по-журналистски, обработали для печати. Обращает на себя внимание краткость самих заметок, более похожих на информационные сообщения: никаких комментариев, риторики, оговорок о требованиях трудящихся. Казалось, авторы сообщают о чем-то постыдном и потому стремятся как можно скорее отделаться от всего этого скороговоркой.

Еще ранее, в середине февраля 1921 г. на вопрос об ответственных пайках пришлось ответить Президиуму Петроградского губернского комитета Всероссийского союза рабочих металлистов — правда, менее широкой аудитории, при встречах с представителями заводов «Арсенал» и Балтийского завода. В протоколах их совместных заседаний, проходивших соответственно 14 и 16 февраля 1921 г., зафиксировано, что на требование рабочих «урегулировать» либо вовсе отменить пайки дан почти дословно совпадающий в обоих документах краткий ответ: в связи с постановлением Совнаркома вопрос об «ответственных» пайках «снимается» [24]. Другие требования (о свободной торговле, свободном переходе на предприятия), как видно из протоколов, рассматривались куда подробнее, дискутировались, по ним предлагались компромиссные решения: вердикт Президиума не был столь коротким. Стоило, однако, сторонам перейти к «ответственным» пайкам — и у читающего эти документы возникает впечатление, что разговор нарочито скомкан, оборван не полуслове. Нет и следов полемики, убеждения, разъяснений.

В менее келейной обстановке такая тактика не совсем годилась: ее приоритеты сохранялись, но приемы становились более гибкими. Когда пришлось комментировать уже отмеченное нами постановление рабочих «Нового Лесснера» в статье Н.Н. Глебова-Путиловского «Коммунизм — это чаю напиток» (здесь, кстати, приведен полный текст пункта о пайках), ответ был сформулирован не столь лаконично, хотя и пространным его было назвать трудно: «Наш исполком <...> уже принял в этом отношении меры ограничения и, беспощадно требуя от общественников работы, лишил их дополнительных пайков» [25]. Что такое «меры ограничения», сказано не было. Возможно, такая неотчетливість давала свободу маневра в том случае, если бы пайки пришлось выдавать и позднее. Ссылки на «беспощадность» требований более уместно выглядели тогда, когда приходилось оправдывать существование пайков. Этим доказывалось, что «ответственные работники» не будут есть хлеб зря, их за пайки заставят работать с предельной интенсивностью. Инвариантом такой тактики можно считать указание на тяжелые, нечеловеческие условия работы этих лиц — в данном контексте вопрос о том, стоило ли таких людей кормить лучше, зачастую не вызывал сомнений даже у тех, кто выступал против льгот. Здесь же, однако, после фразы о «беспощадности», сообщается о том, что пайки отменены, — и становится неясно, почему же в этом случае к «ответственным работникам» по-прежнему предъявляются «беспощадные» требования. Два тактических приема, предназначенных для использования в различных системах аргументации (первая из них: пайки есть, но они оправданны; вторая: пайков нет и с ними будут бороться) тут оказались не очень логично соединенными.

Стоит задать вопрос о том, снизился ли в силу этого их пропагандистский эффект. Соккрытие «ответственных работников» за ширмой очень редко употреблявшегося понятия «общественник», может, было и случайным, выступая как элемент канцелярского просторечия. Вместе с тем оно позволяло лишний раз не обозначать положение получателей льгот и намекнуть, что круг их не был достаточно широк и не ограничивался только чиновниками. Ссылки на исполком также, очевидно, не имели какой-либо идеологической подоплеки, хотя нельзя исключать, что решения местных властей могли быть восприняты как нечто более реальное, чем декреты далекого Совнаркома.

Примеры замалчивания вопроса о пайках можно обнаружить довольно часто в прессе и на рабочих конференциях. На III Губернском съезде профсоюзов (13-16 февраля 1921 г.) его делегаты не раз и очень эмоционально обличали «ответственные пайки». Вместе с тем ни в открывшем съезд обширном выступлении Г.В. Цыперовича, ни в подробном докладе Н.А. Угланова, ни в очень самокритичном выступлении Н.М. Анцеловича (он призывал говорить людям правду), ни в докладе руководителей Петрокоммуны о материальном снабжении в городе, ни, наконец, в выступлении Г.Е. Зиновьева, умевшего поднимать «щекотливые» вопросы, об «ответственных пайках» не было сказано ни слова. Пафос обличения оказался бесполезным: в резолюции III съезда «по вопросам продовольствия, распределения предметов первой необходимости и прозодежды» содержался лишь очень туманный, кратко сформулированный пункт о том, что «какие бы то ни было ведомственные пайки... не должны практиковаться» [26, с. 73]. Исходя из содержания постановления, можно предположить, что здесь имелись в виду только «усиленные» пайки рабочих предприятий, принадлежавших различным ведомствам — ВСИХ и наркоматам.

Порочность этой практики «замалчивания» отчетливо выявилась на Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г. Г.Е. Евдокимова, говорившего здесь о том, что «столовая при Думе Советов никаким привилегированным положением не отличается от подобных же столовых рабочих», прервали возгласом: «Это неправда, товарищ» [27, л. 172]. В еще более незавидном положении оказался видный петроградский хозяйственный работник Дмитриев, когда отвечал на записки делегатов совещания. Эти ответы интересны тем, что они показывают, как чиновник, импровизируя на ходу, менял свою тактику — от категорического отрицания льгот к косвенному их признанию — и вследствие каких «наводящих» вопросов он это делал: «Еще записки (читает): огласите пайки ответственных работников 1-й, 2-й и 3-й категории. Должен вам сказать, что сейчас пайки эти отменены (голоса “неправда”). Товарищи, тех ответственных пайков прежних норм, которые существовали до февраля, до половины

февраля месяца, теперь нет. Ответственные работники сейчас получают бронированный паек, но не выше заводских норм... Ответственные работники и получают тоже $7\frac{1}{2}$ ф(у)н(тов) мяса, в то время как население — 5 ф(у)н(тов). Существует только такая разница, больше никакой (голоса: “а масло, сыр?”). Масла тоже выдавалось известное количество, сыр не выдается (голоса: “выдается, а нам почему то не выдают”») [27, л. 105].

Концовка спора в какой-то мере логична. Первый ход Дмитриева копировал ту тактику опровержений, которая стала возможной после 8 февраля 1921 г.: пайки отменили, и, значит, предмета для разговора нет. На том бы он и закончил, если бы его не перебили, заявив, что это ложь. Поскольку промолчать было нельзя, естественным было обратиться к последнему и беспроегрешному доводу — цифрам и фактам. Факт отмены пайка докладчик смог подтвердить без колебаний, затем для большей убедительности сообщил о том, что ответственный паек не выше заводских норм: вот тут-то ловушка захлопнулась, поскольку паек на треть превышал норму «для населения». Размеры различных пайков были хорошо известны рабочим⁶.

Переакцентировка вопроса, попытки перевести разговор в другое русло, возможно, отчасти и были следствием этих не столь удачных для чиновников перепалок. Чем выше был накал полемики, тем более упрощались полемические приемы. Едва ли можно допустить, чтобы в таких импровизированных сварах проявлялась расчетливость тактического маневра, но этот грубый переход «на личность» обычно отодвигал на второй план и тему пайков.

Показательны здесь приемы председателя Петроградского губернского совета профсоюзов Н.М. Анцеловича. Выступая на Беспартийном совещании рабочих 14 апреля 1921 г., он задал вопрос о том, почему «красноармейцы боевых частей» не говорят с таким презрением о комиссарах, и, оговорившись, что у него «целая грудa записок, все комиссар, комиссар, комиссар», дал следующий ответ: «На фронте коммунист всегда впереди роты, на фронте коммунист шел вместе с ротой впереди» [27, л. 7]. Этому высказыванию, правда, свойственна некоторая двусмысленность. Учитывая контекст, можно предположить, что оратор хотел не противопоставить коммунистов на фронте коммунистам в тылу, а сказать, что в опасных условиях именно коммунисты оказываются самыми мужественными.

Враждебность делегатов Совещания Анцеловичу, однако, рассеять не удалось, и в этом месте он был прерван криками: «Неправда!»

⁶ Об этом свидетельствуют многие их выступления, зафиксированные в протоколах фабрично-заводских собраний февраля-апреля 1921 г.: они не только разбирались в иерархии, но и хорошо знали, какие ведомства и предприятия какие пайки получают.

Ни слова о пайках, никаких опровержений со ссылками на примеры доблести коммунистов — все свое внимание Анцелович сразу сосредоточил только на обвинителях: «Тише, товарищи. Это кричат сзади те герои, которые, вероятно, находились и при царской войне на учете, и при этой войне» [27, л. 7]. Здесь все показательно: уничижительность ярлыка, приклеенного к крикунам (оскорбительного еще и потому, что герои «кричали сзади»), и игра на неприязни масс к «учетникам», которые прятались от войны на заводах, и даже потакание этим настроениям, идеологически сомнительным, поскольку отказ от участия в империалистической войне по большевистским меркам мог быть только заслугой.

Импровизационная манера Анцеловича, его умение манипулировать различными аргументами и сочетать их в самых необычных *амальгамах* проявилось и в другой его реплике: «Я отбрасываю демагогию по вопросу о так называемом “ответственном” и др. пайках. ... Многие рабочие имеют этот паек в форме самоснабжения — это правда, и вторая правда, что мы за институт ответственных пайков не держимся» [27, л. 9]. Как много в небольшой фразе сумел сказать Анцелович, и, заметим, переход от одного довода к другому здесь по своему логичен: постановка вопроса о пайках демагогична, потому что паек получают многие и потому что «ответственные работники» готовы от него отказаться. Логичность эта достигается посредством ряда малозаметных манипуляций: «ответственные пайки» приравниваются к самоснабжению, что не очень верно, а обвинители будто бы осведомлены о желании чиновников отказаться от пайков, хотя это не доказано. В ряде случаев, исчерпав другие доводы, Анцелович, наконец, обращается к самому простому: «Интересное явление, когда здесь говорили об ответственных пайках, я видел, аплодировал ряд товарищей, которые ответственный паек получают» [27, л. 7]. Этим приемом еще раз, хотя и в другом ракурсе, обращалось внимание на лицемерие критиков, хотя сам прием не был новым. Еще на 6-м Губернском съезде профсоюзов в феврале 1921 г. его председатель (возможно, тот же Анцелович) бросил вдогонку одному из выступавших, протестовавшему против «ответственных» пайков, почти такую же фразу: «Товарищ, только что говоривший, принадлежит к числу ответственных работников» [26, с. 47].

Этот прием Анцеловича был доведен до предельной лаконичности председателем на секции Совещания по снабжению и быту рабочих. Того, кто пытался говорить об «ответственных» пайках, иногда попросту прерывали, причем даже не пытались опровергнуть его аргументы. Во время жестких споров о привилегиях председательствующий дал слово представителю ЧК, возможно, надеясь на то, что он даст отпор «эгалитаристам». Работник ЧК, однако, не стал исключением в когорте обвинителей: «... я вам скажу, что мы кожаных

курток не получали, а получали все комиссары, а когда я спросил, когда же мы получим, мне ответили: вам пришлют потом» [18, л. 18 об.]. После этой фразы он был бесцеремонно оборван председательствующим: «Товарищ, вы говорите совсем не по существу» [18, л. 18 об.]. Другой выступавший сообщил о том, что одежду распределяли по признаку партийности. Реплика председательствующего, также прервавшего его, была на этот раз менее краткой, но столь же отчетливо переводящей разговор в «технократическое» русло: «...прошу не касаться ни коммунистов, ни беспартийных, в противном случае, если будем так ставить вопрос, коммунист тоже будет вынужден просить слово и мы уклонимся от вопроса» [18, л. 17-17 об.]. Такая тактика была привычной и уместной на собраниях, где требовалось соблюдение порядка и регламента. То, что председательствующий явно стремился уклониться от спора, а не решить его в свою пользу, говорит о многом — особенно если учесть, что никто из рядовых коммунистов на этой секции «эгалитаристам» не отвечал, а отвечали только руководители Петрокоммуны и Петросовета, которые скорее оправдывались, чем спорили.

Некоторые ответы критикам льгот формулировались чиновниками не очень отчетливо, но и это не всегда спасало их от очевидных проигрышей. На 6-м Губернском съезде профсоюзов они много говорили о том, что внимание прежде всего должно быть обращено на дисциплину труда и повышение его производительности, — единственное, что поможет выстоять Советской России в столь трудное время. В этом контексте требования делегатов съезда о повышении тарифов и увеличении выдач продуктов могли выглядеть как эгоистические. Это не осталось незамеченным и вызвало такой ответ одного из делегатов съезда: «Когда говорится о насущном вопросе, говорят, что это шкурный вопрос. От кого это происходит. От тех товарищей-центровиков, которые пользуются ответственными пайками, они сыты. Если товарищи ответственные работники стоят за благо рабочих, откажитесь от ответственного пайка и отдайте рабочему, голодающему и нуждающемуся... Нет, они сыты и говорят, что это шкурный вопрос» [26, с. 45]. Ему никто не смел возразить, да и трудно предположить, какие контраргументы здесь оказались бы эффективными. Отрицать наличие пайков еще не решались, отдавать их «голодающему рабочему» пока не собирались, а говорить о том, что чиновники не «сыты», показалось бы чрезмерным даже самым невзыскательным пропагандистам.

Последние, правда, могли обрядиться в ту же тогу обличителей привилегий, но выходило это у них не очень ловко, да и не очень часто к этому прибегали. Как правило, когда пресса публиковала маленькие заметки о «льготниках» (на большее не решались), то в поле зрения оказывались преимущественно мелкие факты нарушения

справедливости, допускаемые отдельными профсоюзными (даже не партийными) активистами низшего звена. Чаще всего публиковались письма общественных корреспондентов или приводились записки и реплики недовольных на собраниях — вклад самих органов печати в борьбу за справедливость был минимальным и ограничивался кратким выражением поддержки. Так, сообщая о поданной на конференции работнику записке, где говорилось о том, что «сапоги забирает себе заводской комитет», газета «Маховик» выражала сожаление, поскольку «где это — не пишут и записку не подписывают» [28] — иначе можно было бы помочь.

Позиция газеты в данном случае была беспримысленной. В-первых, туманность записки и анонимность ее автора могли вызвать сомнения в ее правдивости (и тем оправдать чиновников), а во-вторых, не составляло особого труда расточать обещания там, где их не надо было выполнять. Дистанцируясь от своекорыстных «руководителей» и «активистов», публицисты тем самым давали понять, что их действия — не правило, а исключение, что власть в лице ее органов печати выступает против таких «нарушителей» наравне с фабрично-заводскими массами. Само это дистанцирование в прессе порой проявлялось не в комментировании событий или фактов, передаваемых рабочими, а в тех названиях, под которыми публиковались эти материалы. Заметка о Голодаевской бумажной фабрике, где «из полученных билетов большая половина лучших мест остается у комитетчиков, а рабочим дают галерку», имела заголовок «Одному вершки, другому корешки» [29]. Письмо некоего А. Алексева о том, что он «встретил в театре наших руководителей, занимающих хорошие места», тогда как «если были рядовые рабочие, то они были на галерке», напечатанное в «Маховике», помещено под заголовком, имеющем более жесткий и директивный характер: «Этому надо положить конец» [30]. Собственно, эти рамки — от едкого сарказма до беспощадного обличения — и вмещали весь диапазон выразительных средств, применяемых прессой для обозначения своей позиции. Еще одним приемом стала публикация сведений о распределении товаров в Петрограде — «статистически» пытались опровергнуть слухи о том, что в Петрокоммуне занимаются воровством и хищениями. Для этой цели более пригодными оказались, правда, страницы официоза «Известия Петрогубкоммуны». Здесь было опубликовано интервью с членом правления Петрокоммуны С.Н. Дмитриевым под примечательным заголовком «Что сделала Петрогубкоммуна в области распределения предметов первой необходимости» [31]. Цифры, приведенные им, впечатляли: товары получили 115959 рабочих, было выдано 76483 шт. белья, 30553 пары обуви, 40636 платков. Статистические выкладки сопровождались многозначительным комментарием,

отчетливо показывающим, для какой цели заполнили страницы газеты рутинной канцелярской отчетностью: «Распределяемые по спискам профессиональных союзов продзнаки дают возможность снабдить в постепенном порядке все категории трудящихся необходимыми вещами» [31]. Оптимистические уверения являлись неизбежным дополнением к статистике, придавая ей нужную тональность; попутно развеивались и слухи о кучке «ответственных» работников, пристроившихся у кормушки и не подпускавших к ней других. То, что такие цифры были обнародованы накануне Беспартийного совещания рабочих, где ожидалось (и действительно возникли) споры о пайках, видимо, тоже не являлось случайным.

Отметим, что и сам наказ делегатам Беспартийного совещания рабочих, выработанный Петроградским губсоветом профсоюзов во второй половине марта 1921 г., содержал ряд примечательных пунктов. Они, с одной стороны, свидетельствовали о стремлении властей показать, что они намерены ликвидировать льготы, а с другой — препятствовали тому, чтобы дискуссия о привилегиях приобрела широкие и политические формы. Было поэтому предложено следующее: «2. Через Союзы устранить какие бы то ни было ведомственные или групповые преимущества, поставив все предприятия и всех членов Союза в одинаковые условия в отношении трудового пайка. 3. Запретить Петрогубкоммуне... как и всем остальным продовольственно-хозяйственным органам, выдачу предметов широкого потребления и продовольствия по личным запискам» [14, л. 74-74 об.].

Обещание, содержащееся в 3-м пункте наказа, дать было легко, поскольку его трудно было проверить. Второй пункт наказа был явно невыполнимым, ввиду того что многочисленная иерархия пайков являлась той основой, без которой невозможно было обеспечить соблюдение экономических приоритетов, — она была эффективным и, пожалуй, единственным средством решения важнейших и неотложных военно-оборонных задач. Закрепленные в нем требования равенства неоднократно выдвигались самими рабочими. Они возникли, однако, как протест против того, чтобы другие получали лучший паек, и преследовали одну цель — добиться столь же хорошего пайка. Трудно представить, чтобы рабочие, выполнявшие самую сложную и трудную работу, согласились получать такой же паек, как и библиотекари, — если обратить внимание на их многочисленные отклики, отмеченные в протоколах фабрично-заводских собраний февраля-марта 1921 г. При этом, конечно, возражать против «дотягивания» пайка до более высокого уровня никто не собирался. Лозунг «равенства» в данном случае признавался лишь элементом декорума, чем-то, что помогало прикрыть явную корысть и тем защититься от обвинений в «шкурничестве». Акцент на равенстве поэтому давал возможность сделать несколько выигрышных ходов: а) в приемлемой и

привычной для рабочего форме подчеркнуть, что никто не будет получать больше, чем он, б) того, кто имел маленький паек, обнадежить тем, что есть шанс увеличить его размеры.

В тех случаях, когда существование «ответственных» пайков или привилегий открыто признавалось, это, как правило, сопровождалось рядом оговорок. Главная среди них — указание на то, что данный паек выдается за выполнение особо трудной, ненормированной по времени и не оплачиваемой дополнительно работы. Когда на общем собрании рабочих фабрики «Скороход» 10 февраля 1921 г. мастера потребовали себе «ответственный» паек, им было заявлено, что он «выделяется только тем работникам, которые не премируются и работают неограниченное время» [32]. Обычно описание переживаемых чиновниками трудностей не было свободно от гипербол. Типичный пример — опубликованная «Красной газетой» в апреле 1921 г. заметка о другом собрании на все том же «Скороходе», — видимо, там чересчур пристально интересовались чужими привилегиями. Приведа содержание записки, прочитанной на собрании: «А почему ответственные работники ездят на автомобиле, а для нас трамваи даже не ходят», — автор заметки дает такой ответ: «Эх, товарищи, ответственные работники с удовольствием побыли бы на вашем месте и ходили бы пешком, покрикивая о недостатках. Да и вы сами сказали бы, что человеку, который от работы с ног валится, нужно дать автомобиль» [33].

Читая данный текст, необходимо иметь в виду, что это газетный отчет, а не протокол собрания. «Просторечие» ответа, возможно, стилизовано, учитывая, что о нем должны узнать не только скороходовцы, но и все петроградцы-читатели «Красной газеты». Можно заметить, однако, что здесь вновь возникают несколько нот, знакомых по рассмотренным ниже дискуссиям о пайках: а) за привилегии никто не держится, б) лучше платят тому, кто больше работает. Другая оговорка, высказанная также на этом собрании, напрямую не касалась льгот, но, несомненно, должна была способствовать тому, чтобы меньше говорили об этих льготах: «А вот трамваи действительно надо в ход пустить. Это дело. И мы должны добиться того, чтобы они ходили» [33]. Драматичные рассказы о том, как трудится чиновник, видимо были столь частыми, что и отъявленные критики льгот не могли их игнорировать. Другое дело, что рассказы эти не всегда достигали цели. Чтобы оценить и степень их воздействия на массы, и скрытую полемику с ними, стоит процитировать ряд выступлений рабочих перед более широкой аудиторией, участниками общегородских совещаний и съездов. На 3-м Губернском съезде профсоюзов представитель Балтийского завода Семенов коснулся одного из эпизодов собрания рабочих на заводе, на котором «был широко поставлен вопрос... что такое ответственный паек» и где «тов. Анцелович успокаивал массы» [34]. Об аргументах, которыми оперировал Анцелович, ничего

не сказано, возможно, они были излишними — лучшим доводом являлся пример самого «успокоителя»: «Они говорили: нельзя не дать ответственного пайка такому человеку, который договорился до хрипоты, — я ему дал бы ни один паек, а три пайка, потому что он ни днем, ни ночью покоя не имеет» [34]. Договорился до хрипоты, очевидно, Анцелович — и его вид был убедительным доводом для того, чтобы хоть отчасти примириться с существованием пайков. На Анцеловиче, правда, все и кончилось: «Но вот относительно такого пайка говорят рабочие — относительно барышень, которые перерывают бумаги (в зале шум), и такие барышни получают ответственный паек...» [34].

Таким образом, признавая, что ответственные пайки нужны, оратор не прекращает критику. Он обращает ее на другую фалангу получателей льгот — при той же поддержке аудитории (шум в зале едва ли был случайностью), с тем же намеком на то, что привилегированные лица — тунеядцы. Дискуссия продолжается, и никто не может гарантировать, что при таком подходе круг обличаемых ограничится только «барышнями».

Еще одно выступление, где можно заметить диалог с оппонентом и признание ряда его аргументов, состоялось на этом же съезде чуть позднее. Представитель Союза транспортных рабочих Селюк задал вопрос: «Почему они получают такой усиленный паек?» — и ответил на него: «Потому, что они работают день и ночь» [35, с. 46]. Не очень ясно, соглашается ли с таким ответом сам Селюк. Его следующая фраза скорее определяет дистанцию между переданным им ответом и его собственной позицией, нежели выражает согласие с ним: «Да, товарищи, я не говорю, чтобы они голодали, но товарищи, так, как творится, недопустимо» [35, с. 46]. Собственно, это тоже предложение ликвидировать паек, которое он сделал в своем выступлении чуть ранее, только высказанное не очень прямо, полусогласием-полуоговоркой.

Эти два эпизода 6-го Губернского съезда профсоюзов показывают, что аргументы о справедливости «привилегированного» пайка принимались во внимание и резкие нападки сменялись более спокойными дискуссиями. Они, однако, не были достаточно убедительными для того, чтобы вовсе прекратить спор. Указание на «барышень», против которых якобы только и протестуют рабочие, никак не меняло содержание дискуссий о пайках и не ограничивало ее масштабы. На месте «барышни» легко мог бы оказаться любой другой тунеядец, который «перерывает бумаги», а таковым ведь и считали многие «ответственного» работника.

Следующий аргумент, к которому прибегали сторонники привилегий, можно считать наименее удачным. Ответить на вопрос о том, почему им пользовались, сложно, но заметно, что делали это нечасто. Суть этого аргумента выразил в своем выступлении на 6-м съезде

профсоюзов Н. Гордон — руководитель губернского союза печатников: «То, что есть у нас на верхушке — это тонкий слой, и то, что они получают на ½ фунта хлеба больше, этим вопрос не решается, а решается вопрос общим положением, и мы будем находиться в этом положении до тех пор, пока империализм, под давлением рабочих масс, не откроет свои границы для правильной нормальной экономической жизни и товарообмена с Советской Россией» [35, с. 48].

То, как воспринимался данный тезис, проще оценить, как ни парадоксально, по структуре речи этого оратора. Он мог бы на этом остановиться и не развивать подробнее свои доводы, но он этого не сделал. Возможно, он почувствовал что-то циничное в сведении конкретного вопроса о пайках для голодных к «политической трескотне» о блокаде, империализме и торговле с Западом. Явно оправдываясь, он говорит далее о том, что не хочет «здесь заниматься агитацией — мы все достаточно проагитированы» [35, с. 46]. Нужно было вывернуться, сказать что-то еще, смягчить безнадежность своих прогнозов. И вот медленно и извилисто, произнося не очень ясные и ни к чему не обязывающие фразы, выгадывая время для составления других, не менее осторожных фраз, оратор переводит разговор о пайках с политических высот к повседневности, уходит от «империализма» и приходит к вполне конкретным предположениям: «...я прошу практического, разумно практического отношения к жизни, и я думаю, надо установить раз навсегда, что то малое, что имеется у нас, необходимо передать, может быть, в другие руки, изъяв из тех учреждений, которые имеются, и предоставить отделу материального снабжения Совета Союзов» [35, с. 46].

Тот же сценарий «системной» защиты привилегий, по которому признание необходимости «ответственного» пайка сопровождается рядом «оправдывающих» оговорок, мы можем заметить, знакомясь с протоколом заседания организаторов и инструкторов Смольнинского РК РКП (б) 2 февраля 1921 г. Здесь эта «системность» подчеркивается еще тем, что доводы в пользу льгот высказывались несколькими выступавшими — каждым по-своему. Пайки мешают установлению равенства — таково главное обвинение, прозвучавшее в выступлении одного из коммунистов. Ему ответил другой участник собрания, Сазонов: «Ответственный паек нужен для ответственных работников, а то в противном случае мы их... истребим» [36, л. 4]. Таким образом, несмотря на различия аудиторий, мы видим те же, уже знакомые нам, аргументы, хотя и в различных модификациях. Порой кажется, что перед нами диалог глухих. Сменивший Сазонова Крысин, никак не откликаясь на предыдущее выступление, требовал: «Ответственные пайки нужно отменить — если сейчас тяжелое время, то давайте его переживать все дружно и не вносить пайками раздор между членами партии» [36, л. 4-4 об.]. Достойным завершением этой «дискуссии», в

которой каждый из оппонентов старался не слышать другого, было выступление Равич: «Говорят, что ответственный паек получают 30000 человек. Это неправда, всего выдается 8000 пайков, из них 50% приходится коммунистам» [36, л. 4 об.].

Если здесь и демонстрировалась глухота, то это глухота особенная. Когда кто-то подчеркивает, что протест против «привилегированных» пайков имеет моральный, а не прагматический характер, ему отвечают аргументами, основанными, прежде всего, на экономическом расчете, а не на идее социальной справедливости. Попытка защититься, указывая на преувеличенность слухов о числе «льготников», оправданна и естественна. При этом, однако, так же, как и на 6-м Губсъезде профсоюзов, не учитывали, что «технократические» приемы оправдания многим казались неуместными, их интересовала не столько численность тех, кто получал «усиленные» пайки, сколько соблюдение всеобщего равенства. Оговорка о коммунистах, будучи значимым элементом в системе доводов, предназначенных для широких слоев, здесь прозвучала скорее автоматически. Оратор не стал разрывать привычную цепочку аргументов, чтобы приноровиться к аудитории.

В конце своего выступления Равич повторила призыв Сазонова, правда, воздержавшись от его обоснования: «...без этого сейчас нельзя обойтись, и нужно не отменять паек, а наладить хороший контроль над распределением пайка, чтобы он действительно попадал работникам» [36, л. 4 об.]. Последняя фраза перекликалась с уже известной нам дискуссией на 6-м Губернском съезде профсоюзов о «барышнях», неправомерно пользующихся «ответственным» пайком. Такой прием деления получателей льгот на «достойных» и «недостойных» применялся тогда частью рабочих. Считалось, что пайки нужно отменить потому, что их получают либо проходимцы со «связями», либо те, кто занимает высокое положение. И то, и другое воспринималось как беззаконие, и пожелание установить «хороший контроль» над распределением «ответственных» пайков без четкого указания на то, кого это коснется, помогало ослабить критику привилегий.

Импровизированный характер ряда аргументов, возникавших в диалоге с протестующими рабочими, сочетание различных доводов, смена пропагандистской тактики буквально «на ходу», в зависимости от настроений собравшихся, — довольно распространенное в то время явление. Вследствие фрагментарности протокольных записей нам нередко приходилось изучать лишь обрывки прений, но и в этом случае сценарии манипуляции аргументами, «полифонические» приемы убеждения масс выявляются довольно четко. Там, где мы встречаем достаточно полный текст стенограммы, этот сценарий возможно воссоздать уже в деталях.

Образец подробной стенограммы — протокол собрания рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода

2 апреля 1921 г. Отвергнув первоначально предложенную повестку дня, рабочие потребовали в первую очередь осветить вопрос о штемпелевании продуктовых карточек. Продукты по карточкам могли получать только те рабочие, которые работали на заводе; на их карточки ставился штемпель. Все прочие, не бывавшие на заводе и отнесенные к «прогульщикам», не могли без этого штемполя получить полагающийся им паек. Чем бы ни обосновывалась данная мера, она вызывала широкое возмущение среди рабочих. Понятно, что дискуссия о том, кого считать настоящим тунеядцем, здесь стала неизбежной. Их искали недолго: один из выступавших, Васильев, прямо заявил о том, что «тунеядцы — это те, которые разъезжают на автомобилях, те, которые присоседились в центрах и живут лучше, чем в старое буржуазное время» [37, с. 198]. Другой оратор, Панкин, требовал принять меры против тех, «кто ездит на автомобиле, кто пристроился к Советской власти» [37, с. 198].

Коммунисты здесь прямо не назывались, но распознать тех, о ком идет речь, труда не составляло. Это понял и присутствовавший на собрании представитель Губкома профсоюза Грачев, единственный, кто отвечал критикам. Первым приемом его защиты власти стало обращение к собственной биографии — поскольку он мог относиться к тем, кто «разъезжает на автомобилях». Указание на то, что он тоже был рабочим, давало возможность более уверенно настаивать на том, что он говорит правду: «Хотелось бы ответить по существу на собрании и говорить только одну правду, единую правду... Я сам рабочий... и мой отец, мой дед были рабочими. Я вырос именно среди рабочего класса и понимаю все его насущные потребности, но сейчас мы переживаем ужасный период, у нас полная разруха, недостаток топлива, продовольствия, путей сообщения... и я говорю вам: перенесите этот вопрос о карточках...» [37, с. 198-199].

Эти доводы оказались слабыми — дискуссия возобновилась с прежней силой. Это не случайно. Мы видим здесь еще не диалог, а только обозначение позиций обеих сторон. Они, если и слышат друг друга, друг другу прямо не отвечают. Контраргументы Грачева не учитывают всей полноты мотивов его оппонентов, а используют лишь один из приемов защиты, достаточно простой, формальный и излишне пафосный. Вопрос о привилегиях в дальнейшей дискуссии тесно переплелся с вопросом о неравенстве. Последний был затронут на собрании служащим Бобровко («выходит так, что все время существует разделение на какие-то классы») [37, с. 199], но еще более решительно откликнулся на него Панкин: «Во времена самодержавия нас раньше разбивали на два класса, класс привилегированных и класс неимущих, и тогда это деление оправдывалось на капиталистическом строе, ну а теперь что, при коммунистическом строе, который

признает братство и равенство, почему теперь существуют эти деления? Теперь больше, чем всегда, нас разъединяют: на директоров, на профессоров и, главное, на коммунистов, а потом уже на чернорабочих, мы несем всю черную работу и преподносим ее этим трем классам, и за свою работу, как и раньше, получаем только черный хлеб» [37, с. 199-200]. Менее подробно, но более жестко высказался Борткевич: «Не должно быть делений и не может быть, так как тунеядцев не держат на заводах, а раз человек работает, то он должен есть. Все равно экономией на несколько человек государство не спасется, уж если делить, так делить всем поровну» [37, с. 200].

Борткевич по-своему переворачивает знакомый нам тезис о том, что ликвидация «льготных» пайков, ввиду их малочисленности, не скажется на достатке масс, только на место рабочих здесь поставлено государство. Отвечая ему и другим, Грачев все ставит на свои места, повторяя еще раз этот тезис, но уже в традиционном виде и не усложняя его: «Говорят здесь о коммунистах, которые получают внеочередные пайки, превышающие нормы, но таких товарищей чрезвычайно же мало, и они работают по 18 час. в сутки» [37, с. 200].

Итак, Грачев использует второй прием. Нет пафосной ссылки на свое происхождение, нет имитации открытости диалога, есть краткая контаминация знакомых нам аргументов о малочисленности пайков и справедливости их выдачи. Едва Грачев сказал о том, что «продовольствия не имеется», начался «сильный шум» и ему пришлось предложить распустить собрание, если оно не в состоянии спокойно рассмотреть данный вопрос. Такое выступление лишь раздражило присутствующих. Свидетельством этого является выступление Васильева, прозвучавшее вслед за речью Грачева. Оратор столь переполнен ненавистью к чиновникам, что это заметно даже по синтаксису его реплик. Ему мало определения «тунеядцы». Он не сдерживается в словах, и даже кажется, что это какая-то форма психологической разрядки: «Вот если бы спросили у тех, кто разъезжает в салонах-вагонах, в автомобилях, которые жрут, как коровы, вот если бы у этих, будто бы работающих людей, у которых морды пухнут, у этих тунеядцев спросили — узнали бы их мнение, довольны ли они будут, если они сядут на группу «А» (один из низших пайков. — С.Я.), тогда, пожалуй, запели бы иное» [37, с. 200-201].

Что же остается Грачеву? Нужно найти что-то свое — не привычную аргументацию, а нечто способное тронуть, взволновать, убедить людей. И он пытается найти это «свое», медленно нащупывая нужные слова, иногда сбиваясь на прежнюю колею, поправляется, убирая «политическую трескотню», делая свое выступление менее риторичным, более «человеческим»: «Вот сейчас о коммунизме говорят много тяжелого. Да, правда, жить нелегко, но чья же в этом вина?

...Нужно сказать правду, что среди коммунистов много было людей недостойных, пристроившихся, творивших насилия над людьми, много было наживающих капиталы и ловящих рыбу в мутной воде... все было, товарищи, к чему скрывать, но ведь сама идея коммунизма осталась безгранично чистой и не потеряла своего обаяния и силы... Товарищи, много горького слышим мы о коммунистах, говорят об автомобилях, о галифе, упрекают его едой, но... много ли уж таких жизненно хорошо обставленных коммунистов и мало ли таких, которые отдали свою жизнь — самое драгоценное благо — на защиту революции. Таких борцов было много, много. Сейчас нас, коммунистов, насчитывается 70000 человек, было время, когда нас было 40000 человек, и я скажу, что этот прогресс достигается не только одними благами мира, но и его духовной красотой. Да, товарищи, если идея не жизненна и не идеальна, то она изживет себя в ближайшее время, а не будет шириться и расцветать так, как наша партия. Вас именно и призывают к тому, чтобы вы помогли отмести вот этих-то присосавшихся коммунистов и оставили бы только честных работающих людей» [37, с. 201-202]. И этого найденного им тона он не меняет и позже, в своей последней речи на этом собрании, еще раз перед тем выслушав нападки на коммунистов: «А об особых привилегиях коммунистов говорить нельзя, истинному коммунисту даны одни права: умирать честной славной смертью за защиту революции, защищать ее до последней капли крови и быть безукоризненно чистым по отношению к себе и другим. Тот, кто не блюдет эти заветы, тот, товарищи, не коммунист, а так что-то...» [37, с. 204].

Подведем итоги. Официозная интерпретация привилегий формировалась постепенно, не являлась неизменной и, как правило, была лишена систематичности. Замалчивался сам факт существования льгот, что не могло способствовать развитию и усложнению аргументации. Совокупность доводов, используемых для оправдания различных «ответственных» пайков, складывалась импровизационно и стихийно. Изучая такие пропагандистские практики, мы не всегда можем определить, какова была степень участия в них идеологических структур.

Весьма пестрым следует признать корпус «агитаторов», призванных разъяснять вопрос о привилегиях. Многие из них случайно стали таковыми, когда были вынуждены отвечать на обращенные к ним вопросы на разных собраниях. Не все они были готовы к этим вопросам, не все проявили находчивость и изворотливость, пытаясь опровергнуть взгляды своих оппонентов. Говорить о готовом сценарии, который они имели для успешной полемики в различных ситуациях, нельзя. Сценарий создавался на ходу, в зависимости от настроения рабочих и уровня культуры самого агитатора, от того, какой из аспектов

вопроса в наибольшей степени интересовал горожан. Первичная реакция агитаторов в этой дискуссии обычно являлась самой примитивной и сводилась в основном к трем вариантам ответов: а) льгот нет, б) льготы существуют, но они оправданны, в) льготы слишком малы для того, чтобы быть объектом спора.

Такая разногласия была неизбежной, и едва ли всегда она объясняется расчетливой манипуляцией пропагандистов, не брезговавших ничем для того, чтобы убедить сомневавшихся. Спонтанность выбора ряда аргументов доказывается и тем, что не все они были выигрышными, зато все были простыми и очевидными. В этих аргументах можно обнаружить причудливую смесь элементарных идеологем, таких объяснений, которые не столько учитывали реалии, сколько отражали окостеневшую догматику — со вполне здравыми и трезвыми представлениями о том, чем живут простые люди. Многие ответы были противоречивыми, поскольку являлись импровизациями, обусловленными десятком обстоятельств.

Кто же, однако, был ценнее — импровизатор, умевший интуитивно сделать сиюминутно выигрышный ход, или тот, кто следовал четко разработанному сценарию, который оказывался негодным, едва начиналась полемика? Об этом можно спорить, но опыт тех лет показывает: там, где агитаторы не были скованы инструкцией, имели больше нестандартных вариантов ответа, менее были стеснены аксиомами догматических интерпретаций, — там они достигали хоть какого-то успеха. Критерии такого успеха, правда, не могут быть отчетливыми, потому что никогда с уверенностью нельзя сказать, что двигало теми, кто соглашался с доводами в пользу привилегий. Они могли и маскировать свои взгляды, опасаясь репрессий. Вместе с тем заметная в ряде случаев оглядка людей, выступающих против привилегий, на позицию своих оппонентов, их оговорки, полупризнания, обмолвки весьма симптоматичны. Это происходит там, где особенно рельефными становятся рационализм, логичность, доходчивость аргументов защитников привилегий, там, где агитаторы используют те же коды мышления, что и их слушатели. Это возможно там, где ставший объектом идеологического воздействия человек столь часто играл по чужим правилам, что стал считать эти правила своими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.: Госиздат, 1927. С. 376.
2. Стенографический отчет о работах пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии. СПб.: Изд-во Петербургского губернского совета, 1918. С. 107.
3. Стенографический отчет о работах шестого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии в Петербурге 2-4 января 1919 г. Пб.: Изд-во Петербургского губернского совета, 1919. С. 20.

4. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1959. С. 294.
5. ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1424. Л. 68.
6. ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.
7. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Созыв второй половины 1920 г. Пб.: Изд-во Петроградского совета, 1920. С. 255.
8. Красная газета. 1920. 26 июня.
9. ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т 2. 1917-1922. М.: Политиздат, 1983.
11. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 24.
12. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12.
13. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 8.
14. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86.
15. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 71. Л. 1 об.
16. ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 8-9.
17. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13.
18. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 75.
19. ЦГА СПб. Ф. 1804. Оп. 5. Д. 77. Л. 96.
20. Декреты Советской власти. Т. XIII. М.: Политиздат, 1989. С. 50-51.
21. Декреты Советской власти. Т. XII. М.: Политиздат, 1986. С. 328.
22. Маховик. 1921. 22 февраля.
23. Красная газета. 1921. 23 февраля.
24. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 6 об., 8.
25. Красная газета. 1921. 27 февраля.
26. Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Бюллетень № 4. Пг.: Изд-во Петроградского губернского совета профсоюзов, 1921.
27. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70.
28. Маховик. 1921. 7 апреля.
29. Маховик. 1921. 12 апреля.
30. Маховик. 1921. 25 февраля.
31. Известия Петрогубкоммуны. 1921. 5 апреля.
32. ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 4. Л. 41.
33. Красная газета. 1921. 9 апреля.
34. Третий Петроградский губернский съезд профсоюзов. Бюллетень № 1. Пг.: Изд-во Петроградского губернского совета профсоюзов, 1921. С. 15.
35. Третий Петроградский губернский съезд профсоюзов. Бюллетень № 3. Пг.: Изд-во Петроградского губернского совета профсоюзов, 1921.
36. ЦГАИПД СПб. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57.
37. Протокол общего собрания рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода. 2 апреля 1921 г. // Яров С.В. Горожанин как политик. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.